

Архан и сирена — 1994 —
23-30 июня
(124) — С. 6.

С

ЕИЧАС о квартире на Большой Ордынке той поры, когда Ахматова гостила у Ардовых, начинают вспоминать уже

не только ленивые, но и нелюбопытные.

Справедливо отнеся себя и к первым, и ко вторым, решусь заметить, что, выдерживая в целом предлагаемую ей по праву роль исторической персоны, Анна Андреевна остроумнее и живее всего откликнулась на те подробности домашней жизни, которые ни на какие летописи не претендовали.

Ардовская домработница Ядя (Ядвига Феликсовна) вообще-то обожала собаку Цигеля — таксу несколько крупнее по габаритам, чем ей положено породой. Однако не уставала напоминать ему о псах, шагнущих дальше, чем он в своем самосовершенствовании. У меня до сих пор в ушах Ядина прелюдия к наставлениям Цигеля: «Другой бы собак...» И Анна Андреевна однажды заметила: «Воображаю, как он должен ненавидеть того — ДРУГОГО — «собака»...

Те и другие

Судьба ловит любого из нас на сходстве.

Ну, например, в определенном возрасте чувствуешь себя до смешного похожим на отца или мать, или на обоих родителей сразу: повторяешь жест их, походку, прищур глаз, интонацию. Сталкиваешься в быту или на службе с людьми, чья речь и привычки неотразимо заразительны — и начинаешь их словами говорить, их мимикой реагировать, слепо копируешь их манеры. И нет здесь ничего такого уж зазорного. Воспитание, между прочим, и состоит в правильной ориентации, в неуклонном следовании хорошим образцам.

Что же тогда, по мнению крупнейшего лирического поэта XX века, убивало в индивидуализированной таксе Ардовых волю к улучшению своего, как бы выразились теперь, рейтинга?

Насколько я понимаю, Ахматова и в собаке уважала право на известную субъективность — естественное для всякого существа нежелание быть ДРУГИМ.

Сознаюсь, что давней, всегдашней и в какой-то мере сбывшейся моей мечтой было СТАТЬ (изначальность в данном случае практически исключена (ТАКИМ, КАК ВСЕ) удивляюсь, однако, каким образом уживалась эта мечта с неослабевающей мечтой об иной жизни, о жизни избранных, посвященных, вхожих, взлетающих, парящих, терпящих, на худой конец, крушение.

Сегодня в моде горестные свидетельства тех погибающих и выгибающих акций нас постоянно презирающих властей, тех травм, что наносились юным душам уже на старте: в яслях, детских садах, в школах, разумеется, не говоря уж о вузах. Да и в самых обыкновенных очередях за чем-нибудь, где простояли мы средне-статистическую жизнь.

Но кто объяснит, при всем при

том, почему раскованные иностранцы, не проходившие наших институтов сплошной стандартизации, в несравненно большей степени оказываются ТАКИМИ, КАК ВСЕ (в ихнем, конечно, нарядно и солидно упакованном варианте), чем наши заперенные, замордованные, забитые, казалось бы, Богом?

Кто объяснит, почему так СТРАШЕН — и с каждым днем все более делается СТРАШЕН — мир отечества, в котором живем мы?

«Мы — ТЕ еще люди — вот обычный наш искренне-неопределенный и, одновременно, столь исчерпывающий ответ.

Но станет ли жизнь ОБУСТРОЕННОЙ, приди на смену ТЕМ людям ДРУГИЕ? Едва ли не каждый из нас в запальчивости восклицает «Конечно — ДРУГИЕ бы все сразу наладили...» Но ТЕ, кто восклицает, вряд ли и пальцем о палец ударят, чтобы стать ДРУГИМИ. И, похоже, нам ничего не остается, кроме как ненавидеть преуспевающих ДРУГИХ. Гипотетических или откуда-то, действительно, взявшихся.

Племяннику моей жены Денису — десять лет. На днях я вспомнил, как пять лет назад он буквально изводил взрослых бесконечными рассказами о своем дачном однокашнике по фамилии Сугробов. Сейчас Денис отозвался о нем без тени пиетета: «Растяпа».

Когда-то нашего Дениса интриговала мистика совпадений: Сугробов едва ли не в каждом из рассказываемых племянником тете эпизодов проваливался по горло в снежный сугроб — независимо от того, с дерева ли он спрыгнул или с крыши гаража. Сугробов уподоблялся чеховскому Епихову, но чувствовался в нем и артистический вызов будущей судьбе — он смешил, сознательно рискуя, он нарочно привлекал к себе внимание, оказываясь в смешных ситуациях. Когда-то нашему Денису комичное Сугробова казалось героическим — и Сугробов той поры всецело занимал его воображение.

Но Денис иному генетическому коду подчинился — мы узнаем в нем и дедушку Шуру, не сломавшегося в сталинских лагерях, видим в нем и маму его, Аню, замечательно предпримчивую. ...Сегодняшнего Дениса отличают и цепкость, и хватка, и умение все подметить, проявить себя без смущения. Он вырос ДРУГИМ, и кумир его раннего детства сегодня для Дениса: растяпа — и только. ТОТ ЕЩЕ.

Александр НИЛИН.